

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 43 (1649)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Никонова «Учитель и система», опубликованная в газете «Завтра», № 12, март 2019 г.

Вологда
апрель 2019

Учитель и система

Знания – не главное?

Россия столкнулась с такой проблемой, как острая нехватка педагогических кадров. Не только сельские школы, но и школы районных центров, которые в советское время устойчиво снабжали абитуриентами не только вузы областных центров, но и столичные, остались без учителей. В условиях значительной безработицы среди трудоспособного населения школы испытывают кадровый голод. В чём причина? Почему школы не пополняются молодыми кадрами?

Постараемся разобраться, благо с историей вопроса знаком хорошо, происхожу из педагогической династии. Ещё прадед ловил беспризорников на железной дороге, возился с ними в Нижнетагильском железнодорожном интернате, и получалось у него не хуже, чем у Макаренки. Бабушка – словесник, выпускница царской гимназии, мама – математик, пятьдесят лет работы в школе. С самых ранних лет помню её с кипами тетрадей, постоянно что-то пишущей, составляющей планы, засыпающей над тетрадками на пятнадцать минут (точь-в-точь – Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны»). И заветный «личный» журнал с ворохом двоек у нерадивых учеников, каждая обведена в кружок для большей наглядности.

Что же произошло? Почему нет больше педагогических династий, почему нет в школах молодёжи, почему обычным стало работать на две ставки и более (тридцать шесть уроков в неделю)? Как при такой загрузке качественно подготовиться к урокам, как найти время на проверку домашних заданий и работу с отстающими?

В 2014 году я решил резко поменять свою жизнь. Сыновья выросли, обзавелись собственными семьями, взяли в свои руки заботу о хлебе насущном, и у меня появилась возможность заняться тем, к чему душа лежала всегда – учительством. Приехал на родину. В сельской школе, где учился отец, как раз не было учителя математики, и меня с радостью взяли, объявив и родителям, и ученикам, что теперь-то уж математике их научат: учитель-то из МГУ, из столицы!.. Взялся рьяно, первые диагностические работы показали огромные пробелы в знаниях, от-

ставание подавляющего большинства учащихся от программ на два-три года обучения. Девятиклассникам я откровенно сказал, что реально помочь за один учебный год не смогу, но к экзаменам подготовлю, метод «натаскивания» никто не отменял. С 5-8 классами начал кропотливую индивидуальную работу, благо дети отозвались, посещали и дополнительные занятия, и факультативы. Но не все... Выяснилось, что есть группа «элитных детей», привыкших получать хорошие оценки «автоматом». Среди них и дочь директора школы... Не привыкли трудиться, болезненно восприняли правду о своих реальных познаниях. Оказалось, что в школе жёсткое авторитарное руководство. Школа должна отлично выглядеть в отчётах, никому не позволено портить показатели. Оценок должно быть много, и они должны быть хорошие. На моё предложение администрации самим заполнять журналы удобными данными последовал выговор. Когда я сказал, что выставление незаслуженных оценок и галопирование по программе развращает учеников, последовал второй выговор и увольнение, хотя шла уже четвёртая четверть. Учебный год я завершал в суде. Свою правоту мне удалось отстоять, но в эту школу я уже не вернулся.

Вывод первый: современной школе не нужны хорошие учителя, школе нужны «удобные» учителя.

Следующий мой учебный год начался в школе областной столицы, куда меня пригласил смелый директор-новатор. Учитывая предыдущий горький опыт, сразу договорились, что в учебный процесс буду активно вовлекать родителей, благо закон об образовании предусматривает такое взаимодействие в статье №15 (о сетевой форме обучения). Работал с 7-8 классами. Как обычно, входная диагностика «оставшихся знаний»: отставание от программы обучения на 2-3 года у большинства детей. Откровенный разговор с родителями, и у меня – согласие на ИОТ (индивидуальные образовательные траектории) практически для всех детей. До сих пор помню сияющие глаза одного ученика, в восторге сообщившего, что впервые са-

мостоятельно справился с контрольной работой. Не стал его огорчать, что работа была за четвёртый класс, порадовался вместе с ним. Вот она, «терапия математикой» по Александру Лобоку! Этот «математический пир» длился полгода, а затем, как гром среди ясного неба, увольнение директора... Затем и мне дали понять, что моим экспериментам пришёл конец.

Вывод второй: современной школе не нужны смелые директора-новаторы, чиновникам от образования нужны послушные директора.

Третий свой учебный год встретил в школе крупного промышленного центра, в рабочем районе. Вот уж здесь, полагал я, мои педагогические новации будут востребованы. Уровень детей 5-6 классов – начальный; директор школы, не скрывая, говорила о тяжёлом контингенте и родительской апатии. Рискнул, начал занятия, благо, школа не чужая. Именно эта школа была преобразована из интерната, что создавал мой прадед Сильвестр Васильевич Номофилов. Что же? К концу учебного года родители потянулись в школу с вопросами про успеваемость детей. Когда узнавали, что осваиваем программу начальной школы и дальше двигаться пока не имеет смысла, то появились вопросы к директору школы: на каком основании детям ставились положительные оценки, даже пятёрки в предыдущие годы обучения? Директору нечего было ответить, и она поспешила с окончанием учебного года расстаться со мной под благовидным предлогом.

Вывод третий: современной школе не нужны родители, они задают неудобные вопросы.

Четвёртый учебный год оказался просто фееричным и скоротечным. По приглашению заместителя министра образования области присоединился к реализации федеральной программы «Межрегиональный центр компетенций в машиностроении». Первый экспериментальный набор, амбициозные задачи опять вселили в меня надежду. Поверил в свободу выбора учебной программы, в работу «на конечный результат» в составе команды единомышленников. Как же я обманулся! В итоге даже не дали принять у детей первый экзамен, хотя бы порадоваться за результат своих трудов, ведь за три с половиной месяца было проведено 542 часа занятий, сто

студентов! Налаживались контакты с преподавателями по специальности, а специальность-то – «аддитивные технологии»! Вырисовывались контуры реально современного учебного центра.

Вывод четвёртый: чиновникам от образования не нужна хорошая школа. Самое страшное моё открытие!

Итак, главный враг образования сидит внутри системы образования и отвечает за качество образования, получая за это огромные деньги. Из данных той же статьи удалось оценить, сколько тратится из бюджета города средств на одного ребёнка в год. Оказалось, 120 000 рублей! В пересчёте на один урок – 3000 рублей. Учитель из этих денег получает 200 рублей максимум. Простой вопрос: где остальные деньги? И это только муниципальный уровень. А сколько не доходит до города, оседает в областных структурах! По официальным отчётам, половина средств тратится на зарплаты! Вот так: 200 рублей учителю, а остальное – чиновникам вышестоящих управлений и министерства? Реально «один с сошкой, семеро с ложкой». И пока такое распределение будет продолжаться, то никакую молодёжь мы в школы не заманим, а значит школа «умрёт естественной смертью» с уходом старых учителей.

Что будем делать, сограждане и коллеги?

Как заполняют вакантные места? Очень просто: распределили нагрузку, оптимизировали... 36 уроков в неделю для учителя математики – это нагрузка, которую не выдержит даже очень опытный педагог! А где время на подготовку к урокам, на освоение новых технологий и написание отчётов, на проверку домашних работ, на индивидуальные занятия с отстающими и посещение учащихся на дому? Где взаимодействие с родителями? Все эти обязательные элементы работы учителя должны вписаться в рамки урока? Очевидно, что под угрозой не просто качество обучения отдельных учащихся. В опасности всё феноменальное культурное явление, великое достояние, которое мы получили от наших предков и которое должны передать потомкам. Это великое достояние — «Русская школа». Всё очевиднее становится, что без особых, экстренных мер мы лишимся этого богатства! Мы принимаем законы об охране памятников архитектуры и ис-

куства, заповедных природных зон и лесов. Пора уже принять закон РФ «О русской школе». Леса вырастут вновь, вода очистится, и мусорные свалки зарастут травой. Природа умеет пока защищаться от бестолковых действий человека. Но вот на восстановление такого культурного феномена, как «русская школа», могут уйти века, если это вообще возможно. Уйдут последние носители этой традиции – наследники Макаренко и Ушинского. Исчезнет то волшебство становления русского человека, которое ещё творится кое-где в наших школах.

Австралийский учёный Джон Хэтти опубликовал результаты своих исследований в области факторов, влияющих на качество обучения. Так вот, для академических успехов учеников очень важна групповая коллективная эффективность педагогов: значение фактора – 1,57 (социальный капитал школы). Это первое место в шкале Хэтти! В первую тройку факторов, влияющих на результаты обучения, также входят (по данным на декабрь 2018 года) уровень самооценки ученика и оценивающая деятельность учителей (как, что и кого мы оцениваем на уроке): значение факторов, соответственно – 1,33 и 1,29. На эту деятельность оказывают сильное влияние ожидания педагогов относительно возможностей учащегося. А вот популярные сегодня информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – на уроках! – занимают «почётное» 93 место со значением 0,47. Использование мобильных телефонов – 129-е, со значением 0,37. Обучение шахматам – 136-е, со значением 0,34. Использование PowerPoint – 171 место, со значением 0,26. Программа «Один ребёнок – один компьютер» – 200 место со значением 0,16.

Разумно предположить, что усилия и ресурсы следует вкладывать в те факторы, влияние которых максимально! Учительский коллектив, гармонично сложенный из представителей раз-

ных поколений, способный реализовывать самые современные образовательные программы и сохранять традиции «русской школы», грамотно выстраивающий отношения и с родителями, и с учениками, формирующий ученические и родительские коллективы «по своему образу и подобию» – вот основа для академических успехов, столь желаемых чиновниками от образования.

О возрождении «русской школы» сейчас мечтают многие не только в России, но и за рубежом. 4 ноября 2015 года президент утвердил концепцию «Русская школа за рубежом». Четвёртый год реализации концепции, множество серьёзных организаций задействовано, большие суммы на поддержку из бюджета выделены, а на поверку оказывается, что даже элементарного реестра «русских школ» не организовано, сайт, созданный в их поддержку, уже полтора года остаётся без контента. В 2011 году в египетской Хургаде было построено школьное здание для русской школы «Светоч». Оказалось, что очень своевременно, так как образовательный центр «Наши традиции», где учились дети граждан России, живущие в Хургаде, лишился своего помещения. До 2019 года в здании школы шли уроки на русском языке, сдавались экзамены и писались контрольные работы. Но вот «русской школы» там не случилось. Сейчас здание пустует в ожидании решения своей судьбы. Идёт переписка между всеми высокими инстанциями: АП РФ, МИД, Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (МСП) и пр. Учебный год в русской школе «Светоч» так и не начался...

«Русская школа» в беде! Как ей помочь? Уникальное явление на грани исчезновения! Возможно, будущий закон «О русской школе» – та самая чудодейственная пилюля, что остановит разрушительный процесс. Дай-то Бог!

Андрей Никонов